

Агате Григорьевне.

Фасад здания, в котором помещалось Пермское художественное училище, и широкая мраморная лестница, на второй этаж. Все было к восторгу моему, так, как я представлял этот храм искусств. Я был принят в него в 1932 году. Впереди целая вечность и всё в розовом. Общежитие было наискосок, на втором этаже бывшей церкви. Тоже каменная лестница только почему-то всегда сильно загаженная. Вечера проводили при керосиновых лампах, часто с прекрасной компанией друзей, уничтожали вшей.

Питались в столовой, довольно скудно. А вспоминается хорошо, и горошница (такого крупного и вкусного гороха я больше никогда не ел) и хлеб намазанный повидлом, и бирки на обед, которые ребята иногда легко подделывали.

Часы специальных предметов летели быстро. Все старались. Многие не выходили и на перемену. Общеобразовательные шли трудней – особенно математика. Но все знали – тройку получают. Педагог очень славный и понимающий человек, в костюме, всегда замазанном мелом, с увлечением занимался с небольшой группой любителей математики. Особенно с И. Киселевым, который разбирался в этом вопросе не хуже учителя. Он был дальтоникум, звал себя Джон Кисе и обладал очень громким голосом, при встрече, обязательно горланя: «На земле весь род людской». Почему-то в училище было несколько дальтоникумов. У нас на курсе было двое. Это «Джон» и одна девочка. Мы, ребята, первые открыли эту ихнюю слабость, следили за ними и ждали от них своеобразной живописной гаммы и обязательно хорошего рисунка, т.к. слыхали, что среди крупнейших художников был и дальтоник Карьер (но из наших дальтоникумов ничего не получилось).

Вообще – искусству, в нашем доме жилось плохо. Директором была некто Стряпунина. Как говорили «сильно партийная». Ходила в красном, бархатном платье. Была груба с педагогами и студентами, и бдительно охраняя нашу мораль – запрещала рисовать обнаженную модель. Все были под каким-то её подозрением. Все учителя и ученики. Исчез студент старшего курса Бруно Бендрант (шептали, что шпион). «Ушел» из училища очень интересный педагог Шаньгин (конечно, тоже шептались, ничего не зная). Ушел педагог Шмелёв... В класс Шаньгина мы всегда заглядывали с огромным интересом. Там писали иначе, смелее и было, нам казалось, больше ясности во всём.

Проходила паспортизация! Да! Я был вызван к директору в кабинет. Рядом с ней был человек из КГБ. Говорят, что паспорт мне не выдадут. Наводили они страх на всех! Дал я длинную телеграмму отцу, чтоб выручал и прислал документы о том, что он не был...

Отец приехал сам. Ничего не сказал он о своем разговоре с директором... Только паспорт мне выдали. Молодость видно нам придавала силы. Мрачные дни проходили. Оставалось искусство, которым мы пытались овладеть.

Наш курс вел И.И. Россик. Запомнился его первый приход в класс и замечание, что репродукция рис. А. Иванова на стене, висит косо. Запомнились его рисунки – объяснения где только линии убедительно строили объем. Помню сильное впечатление от его живописи (портрет матери, отца и акварели) и позже, просто дружеские отношения. Наш курс называли декоративным. Но преподавали слабо и не систематически. Одно время приходил из оперного театра худ. Шуйский. Красивый, в огромной дохе, он показывал девочкам, какие туфли он купил жене и ... исчезал. Интересными были встречи с ним в театре, где он демонстрировал своё мастерство, и

мы с завистью смотрели, как он шагает по растянутому на сцене холсту и кисть на длинной ручке, подпрыгивая и меняя направления, рисует морские водоросли (он готовил «Садко»). Благодаря нему, мы знали весь репертуар театра, что я позже очень оценил.

Училище переехало на ул. Оханская, 2. Прекрасное место над Камой. Дом-особняк с большим садиком. Уютно! К реке вел крутой и дикий спуск. На берегу ветхие сараюшки, баржи, лодки, якоря вросли в землю, чайки, высокое небо и гудки пароходов. Речной трамвайчик ходил на ту сторону и там, на берегу, возле тополей, мы купались иногда. Для заработка, ходили выгружать баржи. Таскали мешки с фасолью и мечтали, что когда-то преобразуется набережная, украсится лестницами, белюстрадой и будет местом отдыха и прогулок. Давали нам зарабатывать и на праздник. Город оформляли мы – студенты, вместе с педагогами. Рисовали портреты, панно, писали лозунги. Клуб им. Ленина (по Коммунистической ул.) как-то сплошь зашили фанерой и расписали. А напротив оперного театра, в один из первомайских праздников была сооружена декоративная установка по моему эскизу, отобранному по конкурсу среди студентов. Оформление трибуны на площади Окулова привлекло внимание всех. Худ. Шуйский так собрал материал знамени, что они надувались и шумели при малейшем ветерке. Зрелище было буквально величественное (секрета мы так и не узнали). Была у нас и «практика». Так, кажется, после 2-го курса я с Васей Пономаревым оформляли клуб в Муллах. Нас кормили и мы, выполнив задание, долго еще писали этюды. Наши встречи, после каникул были праздниками. Устраивались выставки летних работ на каждом курсе. То было так интересно!

А в Егошихе мы купались и тут же писали этюды – коровы на зеленой лужайке. Любовь к картинной галерее живет во мне с тех давних пор. С какой-то светлой печалью я вспоминаю о тех годах, глядя на золотой интерьер Грабаря и автопортрет Б. Мусатова. О собрании деревянной скульптуре старались говорить поменьше, т.к. она привлекала к себе много верующих. Выглядела она тоже не так. Один Христос печально сидел в этакой беседке, прикрытый трепьём. Было жутковато.

Ходили смотреть Иорданса (тогда до реставрации картина была лучше, цельней. Сейчас всё слишком кругло). А впрочем...

Конечно – четыре года учёбы нас, все-таки слабо подготовили к жизни и работе. Но я искренне возмущаюсь, когда люди клянут свою школу и спрашивают зло: «А что дало нам училище?». Мне кажется, что многое мы не сумели взять сами.

Я вспоминаю училище с благодарностью.

О. Коровин.

Воспоминания написаны О.Д. Коровиным по просьбе А.Г. Будриной, которую я передал художнику при встрече с ним во второй половине 1980-х годов.

В.В. Семянников